

ВЕТА КЭРЛЛ

The poster features a central image of a young man with dark hair and a white shirt with a black vest, holding a young woman with long blonde hair in a light-colored dress. They are surrounded by a glowing, ethereal light. Four smaller scenes are arranged around them: top left shows a woman with long blonde hair in a blue jacket on a ship; top right shows a woman in a white shirt and green tie in a room; bottom left shows a woman in a blue dress in a garden; bottom right shows a woman with a headband in a dark, rocky setting.

Во снах

Вета Кэрл

Во снах

<https://litres.ru/74585197>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он приходит к ней во снах. Другой — наяву. И оба что-то скрывают.

Ангелина — обычная студентка с больным сердцем и кольцом, которое она не помнит, откуда взяла. Её жизнь сера и предсказуема, пока в ней не появляются двое.

Один — во снах. Загадочный, опасный, манящий. Он говорит, что они связаны. Что он искал её очень долго.

Другой — наяву. Светлый, внимательный, надёжный. Он рядом, когда она нуждается в помощи.

Лина разрывается между сном и реальностью, между прошлым, которого не помнит, и настоящим, которое пугает.

А сны становятся всё реальнее. В них - другие жизни. Другие смерти. И он. Всегда он.

Кому верить, если один - сон, а другой - явь?

И почему сердце подсказывает, что правда где-то посередине?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вета Кэрлл

Во снах

Глава 1

Моё сердце колотится где-то в горле. Я не знаю, где я и как сюда попала, но моё тело движется само. Вокруг — ни звука, ни шороха, только тишина, такая плотная, что её можно потрогать руками. И темнота. Бесконечная, бархатная, живая. Она обволакивает меня, как вода, и я тону в ней, не сопротивляясь. Я танцую.

Нет, не так. Я плыву. Мои руки на чьих-то плечах, чьи-то руки на моей талии. Я чувствую тепло сквозь тонкую ткань, чувствую, как пальцы едва касаются моей спины, ведя меня в этом странном, неспешном танце. Мы кружимся, и каждый шаг отдаётся в висках глухим ударом. Вальс. Это вальс, но не такой, как на выпускном в школе, где мы топтались в актовом зале под хрипящий магнитофон. Этот танец — древний, как сама тьма. В нём нет музыки, но есть ритм. Он пульсирует где-то внутри, в такт ударам моего сердца.

Я поднимаю голову, чтобы увидеть его лицо, но не могу. Черты расплываются, как акварель под дождём. Я знаю только, что он высокий. Что его руки сильные. Что от него пахнет дымом, старым деревом и чем-то морозным — тем са-

мым запахом, от которого у меня перехватывает дыхание. Я не знаю этого запаха, но он кажется мне знакомым. Родным. Как будто я вдыхала его всю жизнь, но забыла.

Мурашки бегут по спине, волоски на руках встают дыбом. Это неправильно, — шепчет что-то внутри. — Это опасно. Но я не могу остановиться. Не хочу. Я закрываю глаза и позволяю тьме вести меня. Шаг. Ещё шаг. Поворот. Его рука скользит по моей спине, и я чувствую каждое прикосновение так остро, словно кожа обнажена. Я не знаю, кто он. Не знаю, что происходит. Но в этот момент мне всё равно.

— Кто ты? — мой голос звучит чужим, далёким, будто говорит кто-то другой. Кто-то, кто жил во мне всегда, но молчал.

Он молчит. Только его пальцы чуть сильнее сжимают мою талию, и в этом жесте мне слышится что-то... отчаянное. Как будто он боится меня отпустить. Как будто я — единственное, что у него есть.

— Кто ты? — повторяю я громче, и в моём голосе уже проскальзывает страх. Страх, который я не могу объяснить. Страх, который приходит из ниоткуда и заполняет меня всю.

Он наклоняется. Я чувствую его дыхание у своего уха, и сердце пропускает удар. Мир сужается до этого мгновения: его губы у моей кожи, его рука на моей талии, его запах — дым, дерево, мороз.

— Не стоит знать.

Шёпот. Тёплый, низкий, почти нежный. И в нём столько

боли, что у меня сжимается горло. Я хочу сказать что-то ещё, хочу спросить, почему он такой грустный, почему его голос звучит так, будто он прощается. Но слова застревают в горле.

А потом его губы касаются моей щеки. Это не поцелуй. Это прощание. Я чувствую это каждой клеткой. Каждым нервом. Каждой мыслью, которая мечется в голове, как испуганная птица.

— Беги, — говорит он, и голос его уже не нежный. В нём приказ. Сталь. — Беги отсюда.

Мир взрывается.

Тьма вокруг меня сгущается, превращается в стены. Я несусь куда-то вперёд, не разбирая дороги, только слыша, как колотится моё сердце. Вокруг — лабиринт. Коридоры, повороты, тупики. Я бегу, спотыкаюсь, снова встаю. Каменный пол холодный и шершавый под босыми ногами. Откуда-то сверху капает вода. Я не знаю, куда бегу. Не знаю, от чего. Я просто бегу.

Куда? От чего? Я не знаю. Я просто бегу. Мои шаги гулко отдаются в тишине. Где-то за спиной — шорох. Или мне кажется? Я не оборачиваюсь. Боюсь. Боюсь увидеть то, что гонится за мной. Боюсь, что это он. Или что это не он. Боюсь, что останусь одна в этой темноте навсегда.

И вот передо мной дверь. Чёрная, тяжёлая, без ручки. Я толкаю её плечом, и она распахивается, впуская меня в комнату. В комнату без окон. Без света. Я слышу, как дверь за мной захлопывается. Как щёлкает замок. Моё дыхание рвёт-

ся из груди судорожными всхлипами, я шарю руками по стене, ища выход, но нахожу только холодный камень. Я в ловушке. Я одна. И никто не придёт.

А потом зажигается свет.

Тусклый, желтоватый, он выхватывает из темноты фигуру. Он стоит в двух шагах от меня. Короткие чёрные волосы убраны назад, но одна прядь выбивается на лоб, придавая его облику дерзкую небрежность. На нём белая рубаха с широкими рукавами — такими, какие носили на Руси, я видела на картинках в учебниках. Поверх — чёрный кожаный костюм, плотно облегающий плечи, и чёрные брюки. Он смотрит на меня. Глаза у него чёрные, глубокие, как два колодца. Черты лица резкие, точно выточенные — высокие скулы, волевой подбородок, тонкая линия губ.

И я делаю то, чего не должна делать. Я делаю шаг вперёд и обнимаю его.

Моё тело действует раньше, чем разум. Мои руки сами обвивают его шею, лицо утыкается в его грудь, и я чувствую, как он вздрагивает. Как на секунду замирает, а потом его руки всё-таки обнимают меня в ответ. Крепко. До хруста в рёбрах. Так, будто я — последнее, что у него есть в этом мире. Так, будто он держится за меня, как за единственное спасение.

— Почему? — мой голос ломается. — Почему мы не можем общаться?

Он молчит. Я чувствую, как его пальцы сжимают ткань на

моей спине. Как его дыхание касается моих волос.

— Почему? — я поднимаю голову, чтобы увидеть его лицо. — Кто ты? Что происходит?

Он смотрит на меня, и в его взгляде столько всего, что я не могу разобрать. Тоска. Боль. Нежность. Что-то ещё, чему я не знаю названия. Что-то древнее. Что-то, что живёт в нём веками и не умирает.

— Я не могу сказать.

Слова падают в тишину тяжёлыми камнями. У меня перехватывает дыхание. Я открываю рот, но не могу выдавить ни звука. Я не понимаю, что это значит. Не понимаю, почему это звучит так страшно и так правильно одновременно.

Он смотрит на меня, и уголки его губ чуть опускаются. В этом движении — усталость веков. Усталость, которую я чувствую даже сквозь сон.

— Мне тоже тяжело, — говорит он тихо. — Извини.

Его глаза вспыхивают красным. Я не успеваю испугаться — только смотрю заворожённо, как тьма за его спиной начинает клубиться, как он достаёт откуда-то широкополую шляпу и медленно надевает её, пряча лицо в тени. Выбившаяся прядь падает на лоб, и он не убирает её — только смотрит на меня из-под полей шляпы, и в его глазах уже нет красного — только бездна. Бездонная. Бесконечная. Как та темнота, в которой мы танцевали.

— Проснись, — говорит он.

Я просыпаюсь.

Сердце колотится так, что рёбра, кажется, треснут. Я хватаю ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег, и несколько секунд не понимаю, где я. Потолок. Белый. Знакомый. Моя комната. Я дома.

Дрожащими руками я ощупываю простыню, подушку, стену рядом с кроватью. Всё на месте. Всё настоящее. Я делаю глубокий вдох. Ещё один. По щеке скатывается слеза. Я не помню, когда начала плакать. Я касаюсь того места, где во сне его губы коснулись моей кожи, и вздрагиваю — она всё ещё горит.

Волосы на руках стоят дыбом. Внутри всё сжато в тугой узел, и я не могу понять — это страх? Или что-то другое? Я закрываю лицо руками и сижу так, пытаюсь унять дрожь. Перед глазами всё ещё стоит его лицо. Короткие чёрные волосы, убранные назад. Падающая на лоб прядь. Его чёрные глаза. Его шёпот: «Я твой дьявол».

Господи. Я сошла с ума. Точно сошла.

Но почему тогда моё сердце до сих пор колотится не от страха, а от какого-то странного, щемящего чувства, похожего на тоску? Почему я уже сейчас хочу закрыть глаза и вернуться туда? В ту комнату. В тот танец. В ту темноту, где он смотрел на меня так, будто я — его последняя надежда?

Я откидываюсь на подушки и смотрю в потолок.

— Кто ты? — шепчу я в пустоту.

Тишина не отвечает. Только часы на стене тикают — рав-

нодушно, размеренно. И где-то далеко, за окном, начинается рассвет. Обычный день. Обычная жизнь. А я лежу и чувствую, что что-то изменилось. Что-то, чего я не могу объяснить.

Я переворачиваюсь на бок, поджимаю колени к груди. На пальце тускло мерцает кольцо — то самое, которое я не помню, откуда взяла. Камень сегодня кажется особенно тёмным, почти чёрным. Или это игра света?

— Ты знаешь его? — шепчу я кольцу. — Ты знаешь, кто он?

Кольцо не отвечает.

Но мне кажется — мне просто кажется, — что камень на секунду вспыхивает. Синим. Ярким. Как его глаза.

А потом гаснет.

И я остаюсь одна. В своей комнате. В своей жизни. С вопросом, на который нет ответа.

Глава 2

Дождь стучит по подоконнику — ровно, монотонно, как метроном. Я лежу с открытыми глазами и смотрю в потолок. Трещина в углу, знакомая до последней чёрточки. Паук в дальнем углу, которого мама всё собирается убрать. Серое утро за окном, размытое, как плохая фотография.

Я не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я проснулась. Может, час. Может, два. Я просто лежу и слушаю дождь, потому что вставать страшно. Страшно понять, что я не сплю. Что это не сон. Что всё это — моя реальная жизнь.

Сердце бьётся неровно — с перебоями, которые я уже научилась распознавать. Я прижимаю ладонь к груди и чувствую его — слабое, уставшее, но упрямое. Оно бьётся. Пока бьётся.

Запах исчез. Или мне так кажется. Может, я просто привыкла к нему — к этому дыму, старому дереву и морозу. Может, он впитался в меня настолько, что стал частью меня. Я втягиваю воздух, но чувствую только сырость и пыль. Обычные запахи. Нормальные.

Я сажусь на кровати. Медленно, чтобы не разбудить головокружение, которое притаилось где-то на границе сознания. Простыня сбилась, подушка валяется на полу, одеяло скрутилось в жгут. Я металась во сне. Опять. Как будто мало

мне ночных кошмаров.

Смотрю на свои руки. Дрожат. Чуть-чуть. Я сжимаю их в кулаки, потом разжимаю. Снова сжимаю.

Слева, на безымянном пальце, — кольцо. Тонкое серебро, маленький голубоватый камень. Я кручу его — туда-сюда, туда-сюда. Привычка, которая старше меня самой. Я делаю это, когда нервничаю. А сейчас я нервничаю. Очень.

Камень тусклый сегодня. Почти серый. Или это из-за пасмурной погоды? Я подношу руку к глазам. Нет, дело не в погоде. Камень всегда голубой. Всегда. Даже ночью, когда свет выключен, он слабо мерцает. А сегодня — серый. Как будто затаился. Или устал.

— Что с тобой? — шепчу я.

Кольцо не отвечает. Оно никогда не отвечает. Но иногда мне кажется, что оно слышит. Что оно знает. Что оно помнит.

Я встаю. Медленно. Голова кружится, но не сильно — терпимо. Я делаю несколько шагов по комнате, держась за стену. Каждый шаг — как маленькое испытание. Но я привыкла. Я живу так уже пять лет.

Пять лет. Целая вечность.

Я останавливаюсь у окна. Дождь стекает по стеклу, рисуя мокрые дорожки. За ними — двор, мокрые качели, мусорные баки, машины. Обычный двор. Обычная жизнь. Я смотрю на неё и чувствую, как что-то внутри меня сжимается. Тоска? Одиночество? Не знаю.

Я беру телефон с тумбочки. Экран загорается: шесть утра. Слишком рано. Мама ещё спит — я слышу её ровное дыхание за стеной. Она устала. Она всегда устаёт — работает на двух работах, чтобы оплачивать мои лекарства. Я знаю это и ничего не могу сделать.

Ставлю телефон обратно. Прохожу в ванную. Включаю свет — резкий, белый, режет глаза. Я щурюсь, смотрю в зеркало. Оттуда на меня смотрит незнакомая девушка. Бледная до синевы, с тёмными кругами под глазами и спутанными светлыми волосами. Она выглядит так, будто не спала неделю. Хотя спала. Просто сны были хуже реальности.

Я умываюсь холодной водой. Долго. Пока кожа не начинает гореть. Потом вытираюсь полотенцем и снова смотрю на себя.

— Ты справишься, — говорю я своему отражению. — Ты всегда справляешься.

Отражение не верит мне. Но я не обращаю внимания.

Я иду на кухню. Ноги ещё дрожат, но я держусь за стены. На кухне пахнет чем-то родным — маминым чаем, старым деревом, пылью. Я включаю чайник, достаю кружку — ту самую, с отбитой ручкой, которую я люблю больше всех. Пока вода греется, я смотрю в окно. Дождь не прекращается. Как будто небо тоже устало и плачет обо всём сразу.

На столе — записка. Мамин почерк. Ровный, аккуратный, как у школьной учительницы.

«Лина, не забудь поесть. В холодильнике запеканка. Вече-

ром буду поздно. Позвони врачу — у тебя приём на послезавтра. Люблю».

Я беру записку в руки. Бумага мягкая, тёплая. Мама писала её ночью, перед тем как лечь. Я чувствую её усталость через эти строчки. Её страх. Её любовь.

Я сжимаю записку в кулаке. Потом разжимаю. Кладу обратно на стол.

— Я позвоню, — шепчу я. — Обещаю.

Чайник закипает. Я завариваю чай — слабый, почти прозрачный. Пью у окна. Медленно. Смотрю, как дождь размывает мир за стеклом.

Внутри — тяжесть. Та самая, которую я чувствую каждое утро. Как будто на груди лежит камень. Или как будто сердце слишком тяжёлое для моего тела.

Я думаю о нём. О сне. О его глазах. Чёрных. Глубоких. Как два колодца. Я не знаю, кто он. Не знаю, почему он приходит. Не знаю, почему я чувствую его так, будто мы знакомы вечно.

«Я не могу сказать».

Почему? Что такого он мог сказать, от чего я не смогу жить?

Я смотрю на кольцо. Камень всё ещё серый. Но на секунду — мне кажется, или нет? — по нему пробегает синяя искра. Яркая. Живая. Как его глаза.

— Ты знаешь его, — шепчу я. — Ты знаешь, кто он.

Кольцо молчит.

— Тогда помоги мне, — говорю я. — Помоги понять.
Тишина.

Я допиваю чай и ставлю кружку в раковину. Пора собираться. Университет, лекции, обычная жизнь. Я должна делать вид, что я — нормальная девушка. Что у меня нет снов с таинственными мужчинами. Что моё сердце не сжимается от тоски, когда я вспоминаю его голос.

Я иду в комнату. Одеваюсь медленно — джинсы, свитер, кроссовки. Заплетаю волосы в косу — слабую, небрежную. Смотрю на себя в зеркало. Бледная. Уставшая. Но живая.
— Ты справишься, — повторяю я.

И выхожу из дома.

Дождь всё ещё идёт. Я раскрываю зонт и иду к остановке. Мимо проезжают машины, брызги летят на асфальт, люди спешат под козырьки. Обычная жизнь. Обычный день. Я сажусь в автобус, прижимаюсь лбом к холодному стеклу и смотрю на город. Огни, вывески, лужи. Всё плывёт перед глазами. Или это автобус качает? Или это я?

На остановке у университета я выхожу. Зонт забываю в автобусе. Ну и ладно. Дождь всё равно мелкий. Я иду к главному корпусу, и с каждым шагом чувствую, как возвращаюсь в реальность. Вот она — моя обычная жизнь. Без снов. Без тайн.

Почти.

Университет встречает меня привычным шумом — гулом голосов, стуком каблучков по плитке, запахом кофе из авто-

мата на первом этаже. Я иду медленно, держась за перила. Подъём на третий этаж даётся с трудом: сердце начинает капризничать уже на втором пролёте, и я делаю паузу, прижимая ладонь к груди.

— Лина!

Знакомый голос. Я поднимаю голову и вижу Миру — она сбегает ко мне по лестнице, размахивая руками. Её белые волосы с синими прядями разлетаются в стороны, и я на секунду задумываюсь, как она умудряется выглядеть так, будто только что вышла с обложки фэнтези-журнала, а не проспала, как и все нормальные люди.

— Ты чего не ответила на сообщения? Я волновалась!

— Телефон на беззвучном, — вру я.

На самом деле я видела её сообщения. Три штуки. «Как ты?», «Выходишь сегодня?», «Лина, ты там жива?». Но я не знала, что ответить. Не могла сказать: «Прости, я всю ночь танцевала с парнем в лабиринте, а потом проснулась с мыслью, что схожу с ума».

Мира обнимает меня, и я чувствую знакомый запах её духов — ваниль и корица. Уютно. Домашне. И одновременно слышу, как из наушника у неё в ухе гремит что-то эпичное. Кажется, саундтрек из «Терминатора».

— Опять пересматриваешь? — усмехаюсь я.

— Это классика! — Мира отстраняется и снимает наушник. — Вот скажи мне, кто в наше время снимает такое кино? Никто!

— Ты и неделю назад заставляла меня смотреть «Чужого».

— И ты орала на самом интересном месте.

— Я не орала. Я... вздрагивала.

Мира смотрит на меня с торжеством.

— Ты вздрагивала так, что уронила попкорн на кота.

Я закрываю лицо руками. Это была позорная сцена, и Мира напоминает мне о ней при каждой возможности.

— Пойдём, — она берёт меня под руку. — Я купила тебе булочку. С корицей. Твою любимую.

— Ты меня подкупаешь?

— Работает же.

Мы смеёмся и медленно поднимаемся вверх. Мира на ходу ставит на паузу фильм — я вижу на экране телефона застывшего Арнольда Шварценеггера — и убирает наушники.

— Ты сегодня какая-то... — она смотрит на меня внимательно. — Странная.

— С чего ты взяла?

— Глаза. У тебя глаза, как у человека, который всю ночь не спал. Или как у человека, который что-то увидел.

Я молчу.

— Сны? — спрашивает она тихо.

Я киваю.

Мира знает про мои сны. Не всё, конечно. Но она единственная, кому я рассказывала — давно, ещё на первом курсе, когда мы только познакомились. Тогда я думала, что это

просто кошмары. Тогда я не знала, что они станут реально-
стью.

— Опять он? — спрашивает она.

— Да.

— Кто он?

— Я не знаю, — честно отвечаю я. — Он не говорит.

Мира хмурится.

— Это странно, Лина.

— Знаю.

— Может, тебе к врачу? Психологу? Может, это... ну, не сон, а что-то другое?

— Может быть, — соглашаюсь я. — Но пока не хочу.

Мира вздыхает. Она не понимает. Не может понять. Но она рядом. И это главное.

Лекция по журналистскому мастерству тянется бесконечно. Профессор говорит о фактчекинге, об источниках информации, о том, что журналист должен быть беспристрастным. Я слушаю вполуха, верчу в пальцах кольцо. Камень сегодня тусклый, серый. словно спит.

Мысли то и дело возвращаются к нему. К его лицу. К его голосу. «Я не могу сказать». Почему? Что он скрывает? И почему я не могу перестать думать о нём?

Я смотрю в окно. Дождь всё ещё идёт. По стеклу стекают капли, и в их отражении я вижу себя — бледную, уставшую, с синими глазами. И на секунду мне кажется, что я вижу его. Там, за стеклом. Тёмный силуэт. Прядь, падающая на лоб.

Но я моргаю, и видение исчезает.

— Лина? — Мира толкает меня локтем. — Ты где?

— Задумалась.

— О нём?

— О статье.

Мира смотрит на меня с сомнением, но не настаивает.

После лекции мы идём в столовую. Я беру чай, Мира — салат. Мы садимся за наш обычный столик у окна. Я смотрю на свой чай и не могу заставить себя сделать глоток.

— Ешь, — говорит Мира. — Ты бледная.

— Я всегда бледная.

— Сегодня особенно.

Я беру булочку, откусываю маленький кусочек. Вкуса не чувствую. Как будто всё вокруг стало пресным. Как будто краски поблекли.

— Мира, — говорю я. — А ты веришь в прошлые жизни? Она смотрит на меня с удивлением.

— В смысле?

— Ну, в то, что мы жили раньше. Кем-то другим. И можем помнить это.

Мира задумывается.

— Не знаю. Наверное, нет. А что?

— Просто интересно.

— Ты что-то вспомнила?

Я смотрю на кольцо. Камень всё ещё серый. Но на секунду — я вижу краем глаза — он вспыхивает. Синим. Ярким.

— Не знаю, — отвечаю я. — Может быть.

Мира смотрит на меня долгим взглядом. Потом вздыхает.

— Ты меня пугаешь, Лина.

— Сама себя пугаю.

Мы допиваем чай. Я смотрю в окно и думаю о нём. О том, кто приходит ко мне во снах. О том, чьи глаза горят красным. О том, кто не может сказать, кто он.

И я знаю — этот день не последний. Он вернётся. Ночью. И я снова буду танцевать с ним во тьме.

Вечером я возвращаюсь домой. Усталая. Разбитая. С мокрыми ногами и тяжёлой головой. Мама ещё не пришла. Я снимаю куртку, обувь, прохожу в свою комнату и падаю на кровать.

Смотрю на потолок. Трещина. Паук. Серое небо за окном.

Я беру шляпу. Ту самую, чёрную, кожаную. Я так и не убрала её. Не могу. Она пахнет им. Дымом. Деревом. Морозом.

Я прижимаю её к груди и закрываю глаза.

— Кто ты? — шепчу я.

Тишина.

— Почему я не могу тебя забыть?

Тишина.

Я засыпаю с шляпой в руках. И во сне снова вижу его. Но это уже другая история.

Глава 3

Я доедаю запеканку без всякого аппетита, просто чтобы не слышать потом маминых нотаций. Еда кажется безвкусной, чай — горьким. Всё внутри пережёвано тем сном, оставленным им послевкусием, от которого никуда не деться. Я смотрю на свои руки, сжимающие кружку, и замечаю, что они всё ещё дрожат.

— Прекрати, — приказываю я себе. — Это был просто сон. Такое бывало и раньше.

Но внутри я знаю: раньше было не так. Раньше это были просто обрывки, тени, смутные образы. А сегодня я помнила каждую деталь. Его лицо. Его голос. Прикосновение губ к щеке. Я касаюсь этого места и чувствую, как по коже бегут мурашки.

Телефон на столе мигает. Я беру его — сообщение от Миры: «Лина, как ты? Выходишь сегодня? Может, встретимся?» Я смотрю на экран и не знаю, что ответить. С одной стороны, мне нужно выйти из дома, проветрить голову, отвлечься. С другой — сил нет даже на то, чтобы переодеться. Пишу: «Не сегодня. Плохо себя чувствую». Мира отвечает почти сразу: «Опять? Лина, сходи к врачу!» Я убираю телефон в карман. Врач. Да, мама тоже говорила. Приём послезавтра. Я позвоню, как обещала. Потом.

Я встаю из-за стола, убираю посуду и иду в гостиную.

Здесь прохладно, пахнет пылью и старыми книгами, которые отец всё никак не выбросит. Я сажусь в кресло у окна, поджав ноги, и смотрю на улицу. Мысли возвращаются к нему. Почему он не может сказать, кто он? Почему сказал бежать? И почему в его голосе было столько боли, когда он произнёс: «Мне тоже тяжело»?

Я закрываю глаза, и перед внутренним взором снова возникает его лицо. Тёмные волосы, чуть длиннее ушей, убранные назад. Падающая на лоб прядь. Высокие скулы. Глаза — тёмные, глубокие, которые смотрели на меня так, будто я — его последняя надежда. Я провожу пальцами по кольцу. Голубоватый камень сегодня кажется особенно ярким, словно внутри него зажгли маленькую лампочку. Странное чувство охватывает меня — будто камень вибрирует, пульсирует в такт моему сердцу. Я откидываюсь в кресле и закрываю глаза. Тело тяжелеет, веки слипаются. Усталость накрывает меня мягкой волной, и я даже не сопротивляюсь. Проваливаюсь в темноту.

Передо мной снова лабиринт. Я стою в коридоре, стены которого уходят вверх, теряясь в темноте. Вокруг тихо, слишком тихо, только моё дыхание гулко отдаётся в ушах. Я делаю шаг вперёд, потом ещё один. В конце коридора я вижу свет. Тёплый, золотистый, он манит меня, обещая что-то знакомое. Я иду быстрее, почти бегу, и вот уже передо мной — дверь. Чёрная комната.

Я толкаю дверь, и она открывается. Внутри — пустота. Только посередине стоит одинокий стул, а на нём — его шляпа. Та самая, широкая, чёрная, которую он надел перед тем, как исчезнуть. Я подхожу ближе, протягиваю руку, чтобы коснуться её, и в тот же миг чувствую за спиной чьё-то присутствие.

— Ты вернулась, — говорит голос за моей спиной. Низкий, тёплый, знакомый.

Я резко оборачиваюсь. Он стоит в двух шагах от меня. Всё та же белая рубаша с широкими рукавами, чёрный кожаный костюм. Тёмные волосы убраны назад, и только одна прядь, как всегда, выбивается на лоб. Он смотрит на меня, и его глаза — сегодня они не тёмные, а серые, почти прозрачные.

— Ты пришёл, — выдыхаю я.

Он не отвечает, только смотрит. Молчит. И в этом молчании столько всего, что у меня перехватывает дыхание.

— Кто ты? — спрашиваю я. — Пожалуйста, скажи.

Он делает шаг вперёд, ещё один. И теперь между нами только ладонь.

— Ты не готова, — говорит он тихо.

— К чему?

Он поднимает руку и касается моего лица. Ладонь холодная, но от этого прикосновения по коже разливается тепло. Его пальцы скользят по моей щеке, останавливаются на подбородке, чуть приподнимают.

— К правде, — шепчет он.

И в ту же секунду его глаза вспыхивают красным. Я не успеваю испугаться, только смотрю — заморожённо, как в первый раз, — как тьма за его спиной начинает клубиться, как он достаёт откуда-то широкополую шляпу и медленно надевает её, пряча лицо в тени. Выбившаяся прядь падает на лоб, и он не убирает её — только смотрит на меня из-под полей, и в его глазах уже нет красного, только бездна. Бездонная, бесконечная, как та темнота, в которой мы танцевали.

— Проснись, — говорит он.

Я просыпаюсь. Сердце колотится где-то в горле. Я хватаю ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег, и несколько секунд не понимаю, где я. Гостиная. Кресло. Окно. Дождь. Всё на месте. Я дома. Я касаюсь щеки, она горит. Я касаюсь подбородка — того места, где были его пальцы. Горит. Как будто он только что отпустил меня. Как будто он всё ещё здесь.

Я оборачиваюсь. Никого. Только тени в углах, старые книги на полках, пыль в воздухе. Обычная комната, обычная жизнь. Я встаю, ноги дрожат. Иду на кухню, пью воду, смотрю в стену, думаю. «Ты не готова к правде». Какой правде? Что он скрывает? Почему не может сказать? Почему его глаза горят красным? Почему от него пахнет дымом и морозом? Почему он приходит только во снах?

Я возвращаюсь в гостиную и замираю. На кресле лежит шляпа. Та самая. Чёрная, кожаная, с широкими полями. Я

не видела её здесь раньше, я уверена. Я сидела в этом кресле всего минуту назад, и шляпы не было. Я бы заметила.

Я подхожу ближе, медленно, как будто она может исчезнуть, если я сделаю резкое движение. Протягиваю руку, касаюсь полей. Кожа тёплая, как будто её только что сняли с чьей-то головы. Как будто он только что был здесь, рядом, смотрел на меня и ушёл. Я беру шляпу в руки, тяжёлую, настоящую, осязаемую. Подношу к лицу, вдыхаю. Дым. Старое дерево. Мороз. Его запах. Тот самый. Из сна.

— Этого не может быть, — шепчу я.

Но шляпа у меня в руках. Настоящая. И запах настоящий. И я стою посреди гостиной, с его шляпой в руках, и понимаю — это не сон. Это никогда не было просто сном. Я сажусь обратно в кресло, кладу шляпу на колени, смотрю на неё. Долго. Потом смотрю на кольцо. Камень тусклый, серый. Я верчу его — туда-сюда, туда-сюда. Привычка.

Вечер. Дождь всё ещё идёт. Я сижу в своей комнате, на кровати, со шляпой в руках. Не могу её отпустить. Не хочу. Она пахнет им. Она — доказательство. Того, что он реален. Того, что всё это не плод моего больного воображения. Я смотрю в окно. Темно. Фонари горят. Люди идут по улице. Обычная жизнь. Я смотрю на них и чувствую себя чужой. Как будто я — не здесь. Как будто я — между мирами.

И тут я вижу это. Удар. По стеклу. Снаружи. Резкий, громкий. Я вздрагиваю, шляпа падает с колен. Смотрю на окно.

На стекле — отпечаток. Ладонь. Мужская. Пальцы длинные, чёткие. Как будто кто-то прижал руку к стеклу. Снаружи. Я встаю, подхожу ближе. Сердце колотится. Я смотрю на отпечаток, он не исчезает. Я касаюсь стекла изнутри, оно холодное. Ледяное. Как будто кто-то стоит там, за окном, прямо сейчас, смотрит на меня.

Я вглядываюсь в темноту. Никого. Только улица, только фонари, только дождь. И тут — снова. Удар. По стеклу. Я вздрагиваю, отшатываюсь. Смотрю. Второй отпечаток. Рядом с первым. Другая ладонь. Или та же? Я не понимаю. Я смотрю на стекло и вижу — теперь там две ладони. Две мужские руки. Прижатые к стеклу. Снаружи. Как будто кто-то стоит там, за окном, на карнизе. Но это третий этаж. Как он туда попал?

Я подхожу к окну, медленно, осторожно. Заглядываю за стекло. Вниз, вверх. Никого. Пусто. Только дождь, только темнота, только отпечатки. Две ладони. Чёткие, как будто выжженные. Я отступаю, сажусь на кровать, смотрю на окно. На отпечатки. Они не исчезают. Я знаю — они не исчезнут. Как и шляпа. Как и кольцо. Как и он.

Я беру телефон, руки дрожат. Я не знаю, кому звонить. Мире? Маме? В полицию? Что я скажу? «На моём окне отпечатки рук, снаружи, на третьем этаже, и у меня дома шляпа мужчины, которого я вижу во снах»? Меня отправят в психушку. Или, может, и надо. Может, я действительно схожу с ума. Я кладу телефон, смотрю на шляпу, потом на окно.

Камень на кольцо тусклый, но на секунду — я вижу краем глаза — он вспыхивает. Синим. Ярким.

Я сижу на кровати, поджав ноги, и смотрю на окно. На стекле — две ладони. Мужские. Чёткие. Снаружи. Третий этаж. Я смотрю на них и чувствую, как внутри всё сжимается — не от страха даже, а от чего-то большего. От понимания, что мир, в котором я жила двадцать один год, только что треснул по швам. И за этой трещиной — что-то. Кто-то. Он.

Я встаю. Медленно. Подхожу к окну. Прижимаюсь лбом к холодному стеклу, прямо между отпечатками. Внизу — двор. Мокрый асфальт, качели, машины. Никого. Я поднимаю голову. Небо. Чёрное, беззвёздное. Я смотрю вверх, и мне кажется — на секунду, — что я вижу тень. На крыше соседнего дома. Высокую. Мужскую. Она стоит и смотрит вниз. На меня. Я моргаю. Тень исчезает. Я стою ещё минуту, вглядываясь в темноту. Никого.

Я отхожу от окна. Сажусь на кровать. Беру шляпу — она всё ещё у меня в руках, я даже не заметила, как подняла её с пола. Прижимаю к груди. Запах дыма, дерева, мороза. Его запах. Я закрываю глаза и вдруг понимаю, что не боюсь. Со всем не боюсь. И это пугает больше, чем отпечатки на стекле. Потому что нормальный человек испугался бы. Нормальный человек вызвал бы полицию. Нормальный человек не сидел бы в темноте с чужой шляпой в руках и не пытался вспомнить голос, который сказал: «Мне тоже тяжело».

Я ложусь. Не выпуская шляпу. Она пахнет им. И в этом

запахе — что-то, что я не могу объяснить. Что-то, что было со мной всегда. Что-то, что я забыла. Я закрываю глаза и проваливаюсь в сон. Без снов. Без лабиринта. Без него. Просто темнота. Просто покой. И утром, когда я просыпаюсь, первое, что я вижу — шляпа на подушке. Рядом со мной. Как будто он был здесь. Как будто он смотрел на меня всю ночь. Как будто он ждал, когда я открою глаза.

Я смотрю на неё и понимаю: что-то началось. Что-то, что я не могу остановить. И самое странное — я не хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.